

Ельчанинова Ольга Юрьевна

ДЕФОРМАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В

Статья отражает различные подходы к содержанию понятия "правосознание", в ней приводится теоретико-правовой анализ сущностных характеристик этого феномена. Показано, что в результате грубейших ошибок в аграрной политике, при отсутствии рациональных и понятных крестьянину форм сочетания личных и коллективных интересов, происходит трансформация его правового сознания. Автор исследует проблемы детерминации и причинной обусловленности, формы и последствия деформации крестьянского правосознания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 59-63. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Брачун Т. А., Сахибгоряев В. Х.** Чукотский этнос: генезис и кризис. Магадан: Ноосфера, 2009. 177 с.
2. **Гарусов И. С.** Переход к оседлости и укрупнение поселков у малых народов Северо-Востока СССР // История и культура народов Севера Дальнего Востока: сб. статей / отв. ред. А. И. Крушанов. М.: Наука, 1967. Вып. 17. 123 с.
3. **Государственный архив Магаданской области (ГАМО).** Ф. Р-117. Оп. 1.
4. **ГАМО.** Ф. Р-117. Оп. 2.
5. **ГАМО.** Ф. Р-146. Оп. 1.
6. **ГАМО.** Ф. Р-235. Оп. 1.
7. **Задорин В. И.** К вопросу о разработке концепции поддержания и развития коренных малочисленных народов Севера в Магаданской области на современном этапе // III Диковские чтения: мат. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Магадан. обл. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. С. 255-261.
8. **Задорин В. И.** О некоторых социально-демографических характеристиках оленеводческих бригад Чукотского автономного округа // Магаданский зональный НИИ сельского хозяйства Северо-Востока: труды. Магадан, 1978. Вып. 7. С. 215-218.
9. **Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней** / отв. ред. Н. Н. Диков. Новосибирск: Наука, 1974. 458 с.
10. **Труд, семья, быт советской женщины** / отв. ред. С. В. Поленина. М.: Юридическая литература, 1990. 432 с.
11. **Филиппова В. В.** Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX в. Новосибирск: Наука, 2007. 176 с.
12. **Хасбулатова О. А.** Этапы российской государственной политики по вовлечению женщин в сферу государственного управления (1990-1999 гг.) // Женщины в политике и управлении: мат.-лы меж. науч. конф. (г. Ярославль, 18-19 октября 1999 г.). Иваново, 1999. С. 5-12.
13. **Центр хранения современной документации Магаданской области (ЦХСД МО).** Ф. 22. Оп. 1.
14. **Шинелева Л. Т.** Женщина и общество: декларации и реальность. М.: Политиздат, 1990. 175 с.

**INVOLVEMENT OF INDIGENOUS SMALLER PEOPLES' WOMEN OF THE NORTH-EAST
OF RUSSIA IN PUBLIC PRODUCTION IN THE 1950S**

Viktoriya Vladimirovna Dorzheeva, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of State and Law Theory and History
North-East State University
dorvic68@mail.ru

The author considers the process of involving indigenous smaller peoples' women of the North-East of Russia in social production in the 1950s, and analyzes the range of the problems of that period: the under-recording of female work, the reasons of women's labour low productivity, the separation of reindeer breeders' families during the resettlement to central collective farms, the poor development of children's pre-school institutions network.

Key words and phrases: women; North-East; sewing workshop; collective farm; workdays; socialist competition; kindergartens; reindeer breeders; raw-hide tent female worker; settled and nomadic population.

УДК 340

Юридические науки

Статья отражает различные подходы к содержанию понятия «правосознание», в ней приводится теоретико-правовой анализ сущностных характеристик этого феномена. Показано, что в результате грубейших ошибок в аграрной политике, при отсутствии рациональных и понятных крестьянину форм сочетания личных и коллективных интересов, происходит трансформация его правового сознания. Автор исследует проблемы детерминации и причинной обусловленности, формы и последствия деформации крестьянского правосознания.

Ключевые слова и фразы: правосознание; право; закон; правовой менталитет; крестьянство; деформированное правосознание; колхозный строй; правопорядок; Примерный устав колхоза; национальное правосознание.

Ольга Юрьевна Ельчанинова, к.и.н., доцент
Кафедра теории и истории государства и права
Самарский юридический институт ФСИН России
olga220169_69@mail.ru

**ДЕФОРМАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОГО
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. ©**

Как показывает исторический опыт, коренные социально-экономические и политические реформы оказывают огромное воздействие на сознание больших социальных групп, к каким совершенно уверенно можно

отнести советское крестьянство, которое в конце XX в. в силу ряда причин не избежало участи социального аутсайдера. Но, как это ни парадоксально, наша современная действительность пронизана крестьянской правовой ментальностью, представленной в ее колхозно-деформированном виде. Изучение последствий и форм деформации крестьянского правосознания под влиянием аграрной политики Советского государства приобретает сегодня значение метода для понимания современного состояния российского общества, создает возможность рассмотреть указанную проблему как процесс, выявить причинно-следственные связи, проследить тенденции.

В научной литературе не сложилось унифицированного определения правосознания, но большинство исследователей под ним понимают систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, к правовым явлениям, к поведению людей в сфере права [1, с. 200-201; 3, с. 38; 4, с. 49; 6; 7, с. 58-60; 12, с. 63; 13, с. 151-203; 14, с. 57; 16; 19, с. 221; 20, с. 110; 21, с. 121]. Будучи специфической формой сознания, правосознание имеет свой особый предмет отражения и объект воздействия. Предметом отражения правосознания являются общественные отношения, требующие правильного регулирования, само право, его функционирование, поступки людей в сфере права, а также правовые явления, возникающие в связи с действием правовых норм. Причем спецификой восприятия является то, что оно происходит на фоне сложившихся в обществе правовых реалий, на основе действующих юридических понятий о правах и обязанностях членов общества и т.п.

Таким образом, правосознание не только отражает юридическую действительность, поведение людей в сфере права, но и участвует в регулировании поведения, а также в определении тех отношений, которые объективно нуждаются в правовой регламентации.

Под деформацией правосознания следует понимать его искажение, разрушение позитивных идей, убеждений, установок. Рост уровня нарушений закона, снижение правовой активности, правовая безответственность населения – это ничто иное, как проявление деформированного правосознания отдельных индивидов, социальных групп, общества в целом.

Конец 1950-х – первая половина 1960-х гг. характеризуется внедрением в общую судебную практику иллюзорной идеи «постепенного отмирания государства и права» и расширения участия общественности в осуществлении правопорядка.

Советское крестьянство, никогда не обремененное законопослушностью, весьма своеобразно отреагировало на идеологический постулат об «отмирании права». И хотя это положение базировалось на общих представлениях о безгосударственной организации общества при коммунистическом его устройстве, о совершенной распределительной системе, где блага будут распределяться «по потребностям», вульгаризированное понимание «отмирания права» вело к установлению временных границ существования права, что не могло не привести к деформации правосознания.

Не стоит полагать, что тезис об «отмирании права» имел лишь теоретическое значение. В 1960-е годы в стране параллельно с представлением о построении коммунизма в СССР, активно развивались идеи о решающей роли общественности в борьбе с правонарушениями. С правонарушителями пытались бороться, отдавая их «на поруки», рассмотрение многих вопросов было отдано на откуп товарищеским судам, не отличающимся профессионализмом и компетентностью. В итоге произошло умаление роли права, что стало благодатной почвой для коррупции и иных противоправных акций.

В результате непрекращающихся грубейших ошибок в аграрной политике, при отсутствии рациональных, эффективных и понятных крестьянину форм сочетания личных и коллективных интересов, происходит очередная трансформация правового сознания крестьянства, в свете которой коренным образом изменилась основная установка на соотношение личного и общественного – теперь колхозное становится частью личного подсобного хозяйства. По мнению В. Г. Виноградского, «двор начал интенсивно отфильтровывать в себя все то, что “плохо лежало” в колхозе, становясь эксплоярным хозяином значительной части коллективно произведенного добра» [5, с. 128].

Именно эта идеология привела к пассивному сопротивлению в пределах возможного, позволяющему как-то нейтрализовать, а порой и свести на «нет» наиболее одиозные законотворческие инициативы партийно-политического руководства, к массовому воровству колхозного добра, к игнорированию и забвению правовых и традиционных ценностей.

В качестве подтверждения данного вывода можно привести рассказ заведующей фермой совхоза «Смычка» Балашовского района Саратовской области: «Как бы мы ни старались, 50-70 тонн сена обязательно уйдет! Помните, как было всегда? Заготавливаем 950 тонн, но из них 50 тонн надо сбрасывать на воровство!..» [10, д. 480, позитив 1]. О том, что подобные явления имели место, свидетельствует и письмо ЦК КПСС в Совет Министров СССР от 5 сентября 1955 г., в котором указываются многочисленные факты хищения зерна членами правлений, бригадирами колхозов, работниками МТС. Так, за 1955 г. в колхозах и совхозах Куйбышевской области было похищено 24 тонны зерна. 27 июля 1955 г. работники ГАИ Управления внутренних дел Саратовской области, проверяя правильность использования автотранспорта, остановили машину, принадлежащую колхозу «Сталинский путь» Федоровского района, следовавшую в г. Энгельс. В машине оказалось более тонны зерна. В ходе проверки установили, что председатель этого колхоза Степанов и его заместитель Тимошенко выписали со склада хозяйства для реализации 500 кг зерна, а фактически вывозили 1020 кг. Оба участника преступной деятельности были привлечены к партийной и уголовной ответственности [Там же, д. 3134, л. 8-9].

Подобные воровские акции в условиях колхозной жизни неявно, но поощрялись. По существу, выработался обычай, ставший нормой и получивший выражение «сбалансированность интересов с обеих сторон». Нередки были случаи, когда в подобных действиях участвовали и сотрудники правоохранительных органов. 15 июня 1956 г. сотрудники Богатовского отделения милиции Кондрагьев и Лаптев на машине автоторты ездил в Бузулукский бор, угостив рабочих, занятых на заготовке древесины, водкой, получили от них более 6 кубометров леса, который использовали для ремонта своих домов [2, д. 200, л. 45]. 17 ноября 1957 г. оперуполномоченный уголовного розыска отделения милиции Иса克林ского района Куйбышевской области лейтенант А. С. Харымов с братом на территории фермы № 2 совхоза «Рассвет» на совхозной машине ЗИС-150 № ИП 85-49 увез с поля 20 ц сена к себе домой [Там же]. В 1963 г. в колхозе «Путь к коммунизму» Кошкинского района той же области сотрудниками внутренних органов было украдено 265 кг семенной пшеницы, 2 поросенка и 4 ягнят [Там же, д. 235, л. 74].

В период после отставки Н. С. Хрущева и до начала 1980-х гг. криминогенная ситуация в аграрном секторе, как и в стране целом, характеризовалась протеканием ряда довольно противоречивых и неоднозначных процессов. Наблюдалось постоянное увеличение количества зарегистрированных преступлений. На фоне уменьшения количества тяжких преступлений против личности происходило увеличение количества преступлений экономической направленности. Так, с 1973 г. по 1983 г. количество зарегистрированных хищений колхозного имущества возросло на 39% [15, с. 205].

Еще одним проявлением гипертрофированного правового сознания и поведения колхозников была намеренная порча колхозного имущества (например, поломка сельхозтехники, оборудования). Эти факты в основном были связаны с нежеланием работать в общественном хозяйстве, в том числе в религиозные праздники.

Все больше массовый характер приобретали нарушения Примерного устава сельхозартели (с 1969 г. - Примерный устав колхоза), особенно п.п. 17, 18, когда колхозные семьи формально делились на два хозяйства, но проживали вместе, таким образом, получали два приусадебных участка. В Пензенской области в рассматриваемый период в Вадинском районе было обнаружено 40 таких случаев, в Головинщинском – 32. В Кондольском районе приусадебными участками пользовались самовольно ушедшие из колхозов. Также в Голицынском районе были вскрыты факты захвата общественных земель на площади 3,9 га. В Городищенском районе выявлено 20 случаев земельных захватов на 21,7 га. Всего по Пензенской области за этот год было «прихвачено» крестьянами 34,56 га [9, д. 3134, л. 8-9].

Разновидностью земельных «захватов» были «покушения» на колхозные сенокосы, проявлявшиеся в выкашивании травы, как правило, с не убиравшихся колхозами угодий.

Эмоции, переживания колхозников, выражающие их отношение к праву и правовым явлениям, зачастую преломлялись через призму взаимоотношений с представителями власти. И если столичный уровень в сознании крестьян воспринимался последней инстанцией, где можно решить проблему по закону, по справедливости, то в отношении местных руководителей сельские жители готовы были даже к самым решительным мерам. Так, 26 апреля 1956 г. в Новоспасском районе Ульяновской области в помещении Сельсовета председатель колхоза им. Молотова А. И. Гвоздев проводил политзанятия с колхозниками. В это время в комнату в нетрезвом виде зашел, держа в руках ружье, Ф. С. Орешенков, стал обвинять Гвоздева в том, что он якобы притесняет его семью, а затем выстрелил из ружья. От полученного ранения в грудь председатель колхоза скончался [10, д. 480, позитив 1]. В 1963 г. в с. Поливанове Пензенской области было совершено убийство заместителя председателя колхоза «на почве сведения счетов». Преступником оказался член колхоза Р. С. Енакаев, находившийся также в состоянии опьянения [18].

Отметим, что в поисках истины крестьяне чаще обращались к коллективным партийным органам. «Мы на ЦК партии надеемся как на единственную правду, как на символ нашего лучшего будущего» [9, д. 3134, л. 8-9]. Анализ крестьянских писем по Средневолжскому региону за 1956-1963 гг., направленных в центральные инстанции, показывает, что 45% имели непосредственным адресатом ЦК партии, остальные адресовались конкретным лицам: Хрущеву, Маленкову и другим партийным деятелям; Министерству сельского хозяйства СССР, Министерству сельского хозяйства РСФСР и др.

Одно из правил социальной игры партийно-коммунистической эпохи воплощалось в специфической, даже уникальной роли прессы в функционировании всего советского общества. На что указывает огромный поток писем из села в редакции центральных и местных газет: «Советская Россия», «Известия», «Правда», «Сельская жизнь», «Маяк», «Авангард» и др. Ведущий мотив написания писем – надежда, что будут услышаны, наконец, неуслышанные голоса. По нашему мнению, уникальная роль прессы в советском обществе была связана с тем, что она выполняла те функции, которые в западных правовых обществах играют другие социальные институты – система социальной защиты, институты социальной помощи. Считаем, что именно пресса, стояла между народом и властью, обеспечивая их «связь», и компенсировала отсутствие гражданского общества. Можно образно представить, что она была посредником между бюро жалоб и кабиной исповедника. По сути, сложился такой тип общественной коммуникации, который как бы подсказывал рядовому колхознику, чего ждет от него «система», а властям это позволяло судить о реакции народа на принятие того или иного закона, проведение той или иной реформы и т.д. Здесь важно отметить обоюдность веры «верхов» и «низов» в существование неких общих правил игры. Когда же одна из сторон начинает «жульничать», возникают слишком большие расхождения в интересах, большинство рядовых граждан

общества включают либо скрытое повседневное сопротивление, либо открытое недовольство, тогда возможность возникновения драматических коллизий резко возрастает.

Резкие высказывания в адрес вороватых руководителей колхозов в рассматриваемый период нельзя назвать редкой практикой, их можно обнаружить и в открытой печати, и в письмах, адресованных главам различных госструктур.

Например, в редакцию газеты «Новая степь» (Пензенская область) в 1963 г. пришло письмо со строками, отражающими отношение крестьян к такому пороку местных руководящих кадров, как мздоимство:

Без пятен совесть у него
И без помарок:
Он взятки никогда не брал,
Он принимал... подарок [17].

В письме в редакцию газеты «Сельская жизнь» главный зоотехник П. И. Турисов и главный агроном В. С. Парфенов совхоза «Новодевиченский» Куйбышевской области указывали «...директор не интересуется, как живут специалисты, о бытовых условиях их жизни не заботится. Фонды на общественное внутриколхозное потребление не используются. В 1963 г. израсходовано 66 из 120 центнеров молока, мяса – 42 из 65 центнеров. В совхозе большая текучесть кадров. В 1963 г. по личным мотивам он уволил 84 человека (18% общего числа специалистов), а за 1 половину 1964 г. – 38 человек (7,5% общего числа специалистов). Зато хорошо отлажена система материальных взысканий. За 1963 г. на 82 человека наложены взыскания в размере 500 рублей, у 47 человек были сделаны удержания из зарплаты. Премирование же за перевыполнение плана, экономию прямых затрат не производится. Было премировано всего 3 доярки на сумму 35 рублей. А положено было выплатить двум бригадам 9,6 тыс. и 6,8 тыс. рублей. Поэтому люди не держатся за свои места и уезжают в город» [11, д. 35, л. 49].

Подытоживая, отметим, что проблемы функционирования и динамики крестьянского социума во второй половине XX в., а также возможности воздействия на его ценностное содержание были самым непосредственным образом связаны с наиболее актуальными проблемами в жизнедеятельности общества и государства. В ходе многочисленных экспериментов в аграрном секторе сельские жители утрачивали сознание важности крестьянского труда. В ходе ликвидации «неперспективных» деревень, попытки строительства «агрогородов» происходило нивелирование идентификации крестьян с деревней. Выталкивание сельского населения из привычных социально-экономических, культурных и правовых ниш на первых порах вызывало у него чувство униженности и обиды, а затем привело к приспособлению к новым жизненным реалиям. Основными последствиями трансформации крестьянского образа жизни и правосознания являлись неверие в силу закона, низкая ответственность за результаты своего труда в общественной сфере производства, потеря навыков в ведении сельского хозяйства, криминальные инициативы крестьянского двора. Пожалуй, согласимся с мнением М. Головановской о том, что из СССР мы вынесли удивительный опыт профанации любых законов, искусное умение договариваться, причем как с начальством, так и друг с другом... [8]. Следствием деформации правосознания сельских жителей стал тот факт, что с конца семидесятых годов начала резко ухудшаться криминальная обстановка в сельской местности. Эта тенденция с нарастающим ускорением сохраняется до сих пор. При численности населения, проживающего в сельской местности (27,0%), здесь регистрируется почти треть (29,1%) всех преступлений. А ведь, как известно, от уровня правосознания общества, его правовой культуры зависит не только состояние законности и правопорядка, но и в значительной степени характер развития базовых экономических и политических процессов. Конечно, сегодня РФ уже явно через новое поколение выходит из посткрестьянского в какое-то новое свое состояние. Но рост уровня нарушений закона, снижение правовой активности, правовая безответственность населения заставляют исследователей искать все новые и новые объяснения негативным социальным процессам, но окончательный ответ пока не найден.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2-х т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 363 с.
2. Архив ГУВД Самарской области. Ф. 5. Оп. 1.
3. Бельский К. Т. Формирование и развитие социалистического правосознания. М.: Высш. школа, 1982. 183 с.
4. Бура Н. А. Функции общественного правосознания. К.: Наукова думка, 1986. 87 с.
5. Виноградский В. Г. Крестьянские сообщества сегодня // Социс. 1996. № 6. С. 126–131.
6. Высоких Ю. В. Генетические истоки правосознания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2006. № 13 (68). Вып. 8. Т. 2. С. 24–28.
7. Высоких Ю. В. К вопросу о первоисточниках правосознания // Социум и власть. 2007. № 1 (13). С. 58–60.
8. Головановская М. Рюмка дружбы, или Почему в России не обязательно любить законы // Аргументы и факты. 2010. 24 ноября.
9. Государственный архив Пензенской области. Ф. 148. Оп. 1.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 2.
11. Государственный архив социально-политической истории Самарской области. Ф. 8747. Оп. 5.
12. Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2001. 623 с.
13. Ильин И. А. Собрание сочинений. М., 1994. Т. IV. С. 151–403.
14. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М.: Юрид. лит., 1982. 344 с.
15. Лунеев В. В. Преступность XX века. М.: НОРМА, 1997. 480 с.

16. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны одной медали // Правоведение. 1994. № 3. С. 3–16.
17. Новая степь. 1963. 14 апреля.
18. Сурская правда. 1963. 21 апреля.
19. Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. 570 с.
20. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юрид. лит., 1963. 205 с.
21. Шегорцов В. А. Социология правосознания. М.: Мысль, 1981. 172 с.

PEASANT LEGAL CONSCIOUSNESS DEFORMATION UNDER CONDITIONS OF SOVIET POLITICAL-LEGAL SPACE IN THE SECOND HALF OF THE XXTH CENTURY

Ol'ga Yur'evna El'chaninova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of State and Law Theory and History
Samara Juridical Institute of Federal Penitentiary Service of Russia
olga220169_69@mail.ru

The author presents different approaches to the content of the notion “legal consciousness”, provides the theoretical-legal analysis of this phenomenon essential characteristics, shows that as a result of gross errors in agricultural policy, the absence of the rational and understandable for a peasant forms of personal and collective interests combination the transformation of his legal consciousness occurs; and researchers the problems of the determination and causation, forms and consequences of peasant legal consciousness deformation.

Key words and phrases: legal consciousness; right; law; legal mentality; peasantry; deformed legal consciousness; collective farm system; legal order; Model Charter of Collective Farm; national legal consciousness.

УДК 94(100)"1934/36"

Исторические науки и археология

В центре внимания данного исследования – политика двух великих держав, Франции и США, накануне и во время Лондонской морской конференции 1935-1936 гг. Используя архивные документы библиотеки Франклина Д. Рузвельта (США), автор анализирует специфику двусторонних франко-американских отношений по вопросу об ограничении морских вооружений. В статье рассматривается реакция Французской республики и Соединенных Штатов на крушение Вашингтонских постановлений 1922 г. и делается вывод о влиянии Лондонской конференции на взаимоотношения двух стран.

Ключевые слова и фразы: франко-американские отношения; Лондонская морская конференция 1935-1936 гг.; морское разоружение; Вашингтонский договор 1922 г.; гонка морских вооружений.

Мария Александровна Ермакова

Кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
maria.ermakova@mail.ru

ЛОНДОНСКАЯ МОРСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1935-1936 ГОДОВ И ФРАНКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ©

Вопрос о причинах Второй мировой войны всегда привлекал внимание как отечественных, так и зарубежных историков. Исследователи пытались объяснить сущность политики умиротворения и раскрыть противоречия, не позволившие западным демократиям создать противовес странам-агрессорам. Несмотря на лавину исторической литературы, специальных исследований по франко-американским отношениям очень мало (в отечественной историографии их практически нет). Обделенными вниманием оказались взаимоотношения двух великих держав, основателей Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, от которых во многом зависела ее стабильность и устойчивость.

Настоящая статья посвящена Лондонской морской конференции и в целом проблеме морских вооружений в середине 1930-х гг. в контексте дипломатических отношений Франции и Соединенных Штатов. 29 декабря 1934 г. Япония объявила о денонсации Вашингтонского договора 1922 г. Под угрозой оказалась вся система договорных обязательств по ограничению морских вооружений, дальневосточным и тихоокеанским вопросам. Какова была реакция Франции и США на действия Японии, в чем заключались различия в подходах этих стран к вопросу об ограничении морских вооружений, и как повлияло на франко-американские отношения крушение Вашингтонских постановлений, – вот основные вопросы, стоящие перед автором.